

А. И. Тургенев

Дневники (1825-1826 гг.)

А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825-1826 гг.)

Издание подготовил М. И. Гиллельсон

Серия "Литературные памятники"

М.-Л., "Наука", 1964

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

1825 год

14 июля 5 часов утра. В 6 1/2 переехал границу и выехал в Пруссию. Прости Россия, обожаемое отечество. - Что бы ни было со мною, в тебе и вне пределов твоих, везде я сын твой, везде будет биться русское сердце во мне и жизнь 25 лет, службе твоей посвященная - тебе же посвятится, где бы я ни был. Пусть Фотий и г<осударь> А<лександр> безумствуют и преследуют сынов твоих.

Витенберг - некогда первый центральный пункт немецкого просвещения. "Would I had never seen Wittenberg, never read book" (Marlow's Faustus?). {1}

В Витенберге король прусский (для чего же не один из курф<юрстов> сакс<онски>х или не вся протестантская Европа) воздвигнул на площади памятник Лютеру (описание одного и надписи). Мне кажется, что гигантам славы европейской или, лучше, всемирной, каков Лютер (но кого сравню с ним в бесконечном действии подвигов?), не нужно бы воздвигать монументы. Или разве только возвеличить их просто надписью, какова была богу в Афинах "Неведомому!" - Тому, кто потребовал бы в Витенберге или в Эрфурте монумента Лютеру, ука* зал бы я на всю проч<ую> Европу, указал бы вдали, за синим океаном, свободную часть света - и повторил надпись анг<линского> архитектора: "Si monumentum quaeris - circumspice!". {2} Я скажу более: самые католические земли обязаны многим лютеранству - следов<ательно>, и там невидимые следы реформации не исчезли.

Витенберг. В комнате Лютера. 2 авг<уста> н. с. 11 часов утра. Рукою нашего реформатора Петра _Petr_ за стеклом над дверью в спальню Лютера. (Шадова книга).

Близ сего август <ейшего> монастыря и дом Меланхтона...

Портрет Лютера Луки Кранаха. С него и памятник на площади. Отсюда воссиял свет - и отсюда свобода Сев<ерной> Америки!..

Лейпциг. 10 часов вечера. Нахт-вехтер - вспомнил за 24 года.

Приближаясь к Мейсену, виды становятся прелестнее, берега Эльбы живописнее. Горы и дома увиты виноградными лозами. Вся дорога от Мейсена до Дрездена усажена фруктовыми деревьями.

3 августа. Hotel de Pologne. Дом мрачный, как судьба его имени. Узнав, что Крейсига нет в городе, я пошел к Басанжу, взял письмо от брата Н<иколая> и от Свечиной, которой дружба нашла меня и здесь. Она тронула меня - и я не буду сиротой в Париже.

В 6 часов пошли в итал<ьянский> театр слушать "Cenerentola".³ Это напомнило мне Москву и ту, которой общество предпочитал я итальянской музыке. Я помню, что часто говаривал ей: "Наслушаюсь в чужих краях", - как она упрекала себя, что лишает меня сего наслаждения. С воспоминанием о ней многое пробудилось в душе; но мир праху твоему - прошедшее! Не преследуй меня в будущем. Оставь душе и сердцу сиротство, но безмятежное. Рана не закроется, но сон души сделает страдание менее для нее чувствительным.

В театре видел Демидова и издали в первый раз в жизни старика Ханыкова, который славился у нас любезностью и французскими стихами и, наконец, при дурноте лица - страстным волокитством.

Из театра пришли домой, напились нашего чаю. Мне было что-то грустно!

4 августа. Первый визит мой к Крейсигу. Не застав его, пошли в сад к Штруве, где собираются пить минеральные воды, но и там не нашли уже его, воротились и дождались его у ворот. Письмо Н<иколая> к нему обрадовало нас несколько состоянием его здоровья. - Консультация отложена до 2-го часа. Оттуда в галерею, где взор мой искал и остановился на Корреджиевой ночи и на богоматери. Тут нашел двух п<етер>бургских живописцев - Боссе и Молиари, и первый взялся все показать, объяснить нам, ибо я терялся в созерцании,